

трансформации общества приоритетом у вузовской молодежи становится актуально-ориентированный тип экзистенциальных ценностей. Данный тип ценностей затмил своей значимостью мемориально-ориентированный и прогностически-ориентированный тип ценностей. Как и в период СССР, так и в современное время модус человеческого существования “мыслить” не может объединять в сознание молодого человека три типа экзистенциальных ценностей. К примеру, в современном обществе ценность труда заменилась ценностью материального благополучия. Введение платного обучения в вузах подтолкнуло студентов к мысли о том, что деньги – это средство для достижения поставленных целей. В молодежной среде деньги и свобода стали двумя сторонами одной медали.

Для того, чтобы студенчество смогло глубоко и перспективно мыслить, оно не должно придерживаться какого-либо одного типа экзистенциальных ценностей. Пока вузовская молодежь будет отдавать предпочтение одному или двум типам экзистенциальных ценностей, структурные модели ее социокультурных ориентаций будут оставаться несовершенными. Такая ситуация продлится до тех пор, пока не произойдет понимание единения трех типов экзистенциальных ценностей в сознании каждого молодого человека, объединенных новым смыслом индивидуального существования. Появление новой структурной модели социокультурных ориентаций будет способствовать раскрытию потенциальных способностей каждой личности социума.

Чернявская Ю.В.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ЭТНИЧЕСКОГО САМООБРАЗА

Тема этнического самообраза в пост-советской и в зарубежной науке разрабатывалась спонтанно и непоследовательно. Чаще всего при попытке анализа этнического самообраза исследователи подменяли это понятие понятием стереотипа. А Я.В. Чеснов, который ввел понятие «самообраз» в культурологический контекст, ограничивает его физическим обликом, национальной одеждой, отражением политического положения страны и способа хозяйствования во внешности: так, солидная комплекция Джона Буля ассоциируется у автора с промышленным подъемом Англии и развитым животноводством. Какие же характеристики этнического самообраза представляются нам наиболее принципиальными в действительности?

С нашей точки зрения, этнический самообраз при всей своей целостности есть сложное системное психологическое и культурное образование. Можно выдвинуть предположение, что в этнический самообраз любого народа первоначально входит, как минимум «мы-чувство» или «чувство Мы». Под ним мы подразумеваем еще «дообразное» недифференцированное, внерефлексивное эмоциональное ощущение членами этноса того, что все мы есть некое единое сообщество, отличное от других. «Мы-чувство» уже в силу его внутренней недифференцированности и до-рефлексивности не является образом, но зато представляет собой ту первичную предпосылку, на основе которого возникает самообраз народа. Вот почему мы считаем необходимым включить «мы-чувство» в этнический самообраз, хотя непосредственно «образом» оно не является.

Также одной из первичных составляющих этнического самообраза является «образ Другого». По нашему убеждению, «образ Другого» является не только внешним по отношению к этническому самообразу, но с неизбежностью входит в состав последнего. Это соответствует фундаментальным положениям современной социопсихологии и психологии личности, согласно которым личность и коллективный социальный субъект формируются первично исходя из «образа Другого» («значимых других») как из единственно доступного «материала» для выявления и осознания собственных качеств. На сегодняшний день нет достаточных данных, которые позволяли бы сказать, что возникает первично: «мы-чувство» или «образ Другого». Можно лишь предположить, что обе эти необходимые предпосылки этнического самообраза возникают и формируются одновременно, дополняя и взаимоусиливая друг друга.

На основе взаимодействия этих двух предпосылок исторически и психокультурно возникает **интраобраз этноса** или «образ для себя». Интраобраз этноса есть некое целостное и (при всей исторической вариативности) устойчивое представление членов этнической общности о том, что объединяет их в общность, отличную ото всех других по своему душевному складу, совместно разделяемым ценностям, нормам, традициям, поведению, происхождению, языку, нраву, внешнему облику и т.д. Причем, это общее всегда подразумевается и осознается членами этноса как диахронически (на всем протяжении его истории), так и синхронически («здесь и сейчас»). Этнический интраобраз всегда носит выраженный позитивный характер, ибо иначе он не мог бы соответствовать своему социально-историческому и психокультурному назначению –

консолидации членов этноса в единое целое, осознанию своих коллективных сил и возможностей. Снижение же общего позитивного эмоционального тонуса и позитивной когнитивной самооценки приводит этнос в критическое состояние, и в случаях достаточной длительности и психологической остроты приводят к упадку данного этноса.

По нашему убеждению, этнический интраобраз включает три типологических формы-представления этноса о себе и некоторые другие формы самосознания:

1) **Константный интраобраз народа.** Эта форма складывается исторически, в процессе реального бытия народа и его взаимоотношений с другими народами, и включает определенную сумму действительных качеств данного этноса, хотя и преобразованных в целостном субъективном представлении членов этого этноса о том, что принято называть «национальным характером». Соотношение объективного и субъективного (самоприписываемого) представлений видоизменяется в зависимости от «внутреннего» социокультурного самоощущения и от «внешних» обстоятельств жизни данного этноса. Тем не менее, константный интраобраз отражает представление о подлинном характере народа, хоть и в несколько «улучшенном» виде. Гетерообраз этноса глазами других констатирующих с ним народов вносит существенные поправки в константный интраобраз этноса. Чем интенсивнее, дружелюбнее и равноправнее взаимоотношения между народами-контактерами, тем адекватнее их этнические взаимохарактеристики и интраобразы. Но даже при наличии всех этих благоприятных условий и гетерообраз этноса, и его интраобраз, и их сопоставление остаются не вполне адекватными реальности. В этом смысле этнический интраобраз народа в каждую историческую эпоху остается «образом в себе» по аналогии с кантовской «вещью в себе» и лишь в исторической перспективе приближается к объективной реальности.

2) **Идеальный интраобраз народа.** Уже в константном самообразе народа всегда, как отмечалось выше, присутствуют большие или меньшие элементы идеализации. Но если константный самообраз диктуется стремлением понять себя объективно, то идеальный возникает из потребности этноса осознать и предугадать свои максимальные возможности, свое историческое предназначение и выстроить будущее в соответствии с этим проектом. Без идеального самообраза невозможно самосовершенствование народа, формирование исторических перспектив и целей, а значит, и длительное самосохранение этноса. С идеальным интраобразом этнос соотносит свой константный образ и там, где его

«улучшает» на уровне представлений; и там, где реально стремится усовершенствовать его; и там, где определяет свое место среди других народов. Идеальный образ – всегда конструкт. При всей эмоциональной наполненности он, прежде всего, когнитивен, имеет осознанную телесологическую направленность. «Отправная точка» формирования идеального интраобраза — реальный национальный характер. Но далее идеальный интраобраз формируется этносом (в коллективном фольклорном творчестве, в творчестве его выдающихся представителей) как свободно избираемая перспектива. Идеальный образ вторичен по отношению к константному образу, но возникает уже на ранних стадиях пробуждения этнокультурного самосознания. Ослабление императивной роли идеального интраобраза и нарушение его целостности совпадает с кризисными эпохами в жизни этноса и может приводить либо к новому росту императивности при видоизменении его содержания, либо к упадку этноса как целостности вплоть до его превращения в маргинальный и полной ассимиляции с другими этносами.

3) Самокритичный этнический интраобраз. Уже в константном интраобразе народа (на уровне зрелого самосознания) присутствует видение собственных недостатков и осознание желательности их преодоления. Самокритичный интраобраз всегда возникает на основе соотнесения идеального интраобраза с константным и всегда связан с верой этноса в возможности самосовершенствования под императивным воздействием идеального образа. Самокритичный интраобраз сосредоточен на реальных нежелательных для данного этноса, но реально присущих или же самоприписываемых в свете его идеального интраобраза качествах. При этом самокритичный образ, как правило, оптимистичен, т.к. исходит из веры этноса в посильность преодоления отрицательных проявлений, свойств и даже тенденций, и в этом смысле он позитивен по своей направленности. Не случайно самокритичный интраобраз любого народа чаще бывает комическим или ироническим, реже – и только на очень зрелой ступени развития этноса – сатирическим, но никогда не негативным. Негативный характер может носить только оценка этноса отдельными его представителями, но она не принимается этносом в целом, пока он остается способен к самосохранению и саморазвитию. Так, образ Джона Буля (который представляется Я.В. Чеснову базисным и, следовательно, константным) был создан и воспринят английским народом в качестве образа самокритичного. Как константный же образ английского национального характера он был воспринят другими европейскими народами и культурами. Скорее, можно говорить о том, что в качестве

константного интраобраза англичане 19-го века приняли парный образ «джентельмена» и «моряка». Возникновение и усиление негативных моментов в самокритичном образе этноса обозначает его кризис и создает психологические условия для его ассимиляции данным народом другими народами. Следует также отметить тот факт, что самокритичный образ народа всегда предназначается для сугубо внутреннего использования и — если этнос не клонится к упадку — не допускает негативной критики со стороны других народов или отвергает ее.

4) **Персонифицированные интраобразы.** Это образы, персонифицированные в собирательных типах, созданных коллективным творчеством этноса, либо же в образах-типах художественной литературы. Это относится как к константным, так и к идеальным, и к самокритичным интраобразам. В качестве примера константного персонифицированного образа можно привести парный образ Дон-Кихота и Санчо Панса, который вопреки замыслу Сервантеса был воспринят испанским народом как наиболее адекватный константный образ.

5) **Психологическая самохарактеристика.** Она возникает хоть и позднее первых (мифических или мифологизированных) персонифицированных интраобразов, но уже в раннем фольклоре, прежде всего, как совокупность пословиц и поговорок данного народа. Психологическая самохарактеристика всегда менее образно-конкретна, чем персонифицированные интраобразы, но более многообразна, исторически вариативна и дополняема. Процесс историко-культурной жизни и самосознания любого народа в первую очередь отражается в непрерывном обогащении и возрастании адекватности этой характеристики. Психологическая самохарактеристика совместно с персонифицированными образами составляет внутреннюю сущность константного и самокритичного интраобразов и во многом определяет его идеальный образ.

6) **Этнический фрейм.** Как необходимую составляющую интраобраза следует выделить набор социальных ролей, основных сценариев поведения членов этноса, базирующийся на этнических автостереотипах. Так, человек одновременно может быть минчанином, белорусом, православным и квалифицированным рабочим. С некоторой долей условности можно означить данный набор как «этнический фрейм». Именно благодаря этническому фрейму как самой подвижной компоненте «образа для себя» — вследствие ее зависимости от социо-политического контекста — во многом осуществляется не только динамика этнического образа и этносамоидентификации, но и этнической традиции в целом, т.к. этнический

фрейм, в отличие от архетипа отражает ситуацию «здесь и сейчас». Так, в одну эпоху православная принадлежность белоруса в большей степени входит в архетип «белорусскости», нежели в другую. Такие перемены в идентичности во многом зависят от символов, на которые опирается деление на «своих» и «чужих», а изменения в символике – от роли этнических границ, поскольку они не остаются стабильными: в разные исторические периоды выстраиваются то по лингвистическим, то по сословным, то по конфессиональным, то по каким-либо иным признакам. Вот почему описывая феномен «белорусского характера» мы можем приводить набор определенных «надвременных» (архетипических) черт: толерантность, терпимость, гостеприимство и т.д., но с если взять в качестве точки отсчета этнический фрейм, при исследовании можно обнаружить большое количество разнообразных этнических комплексов, непохожих друг на друга в силу контекстуальной обоснованности этнических авто- и гетеростереотипов (например, феномен «белорусскости» в Беларуси, Польше и Канаде). Именно в этой точке обнаруживается, что архетип данной этнокультурной общности содержит локальные черты и в значительной степени зависит от «этнических Других», а точнее – от стереотипизированного восприятия этих «Других», причем, с двух сторон: исходя от восприятия «нас» этими «Другими», а также – этих «Других» нами, и только в этом смысле, не подменяя понятие «самообраза» понятием «этнического стереотипа», можно говорить о его зависимости от авто- и гетеростереотипов.

Чуешов В.И.

О РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ АРГУМЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Каждому из нас приходится защищать или опровергать какую-либо точку зрения с помощью специально подобранных и организованных слов. Наука об этом называется риторикой. Сегодня риторика стала важным фактором сохранения современной цивилизации по той простой причине, что там и тогда, где и когда не «срабатывают» риторические аргументы, там используются силовые «аргументы».

Содержание риторической культуры аргументации личности включает в себя, по крайней мере, три подсистемы – культуру аргументатора, культуру аудитории аргументации и культуру риторического построения аргументационного текста. Культура построения аргументационного текста является относительно самостоятельной областью исследования, которую